

УДК 329

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_131

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ ИНСТИТУТОВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ирина Маратовна Виноградова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
Iren121121@ya.ru

*Получена 12.09.2025.**Поступила после рецензирования 10.10.2025.**Принята к публикации 22.10.2025.*

Для цитирования: Виноградова И.М. Эволюция партийных институтов в контексте цифровизации // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 131–143. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_131

Аннотация

В статье анализируются ключевые направления эволюции партийного института в условиях цифровизации и медиатизации публичной сферы. Цель исследования – выявить структурные и функциональные изменения политических партий под воздействием цифровых технологий, сетевых форм коммуникации и трансформации механизмов политического представительства. На основе анализа современных отечественных и зарубежных исследований рассматриваются три модели цифровой адаптации партий, выделяются специфические признаки «цифровых партий» и их отличие от партий традиционных организационных типов. Показано, что цифровизация изменяет характер партийного посредничества, усиливает маркетингизацию политической коммуникации, снижает значение членства и одновременно способствует развитию новых форм внутрипартийной демократии. Выявлено, что конкуренция с сетевыми движениями, медийными платформами и гибридными непартийными акторами оказывает давление на классические партийные структуры, стимулируя их организационную перестройку. В работе обосновывается, что цифровизация не ведёт к эрозии партийного института, но трансформирует его функциональную роль, механизмы организационного функци-

© Виноградова И.М., 2025

онирования и конфигурацию распределения политических ресурсов. Представленная модель позволяет концептуализировать новые формы партийности и определять место цифровых партий в современной политической системе.

Ключевые слова:

цифровизация политики, политические партии, цифровые партии, киберпартии, эволюция партий, цифровизация партий

UDC 329

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_131

THE EVOLUTION OF PARTY INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Irina M. Vinogradova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Iren121121@ya.ru

Received 12.09.2025.

Revised 10.10.2025.

Accepted 22.10.2025.

For citation: Vinogradova, I.M. (2025). The Evolution of Party Institutions in the Context of Digitalization. *Discourse-P*, 22(4), 131–143. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_131

Abstract

The article analyzes the key directions of the evolution of the party institution in the context of digitalization and mediatization of the public sphere. The purpose of the study is to identify the structural and functional changes of political parties under the influence of digital technologies, network forms of communication and transformation of mechanisms of political representation. Based on the analysis of modern domestic and foreign studies, three models of digital adaptation of parties are considered, specific features of "digital parties" and their difference from traditional organizational types of parties are highlighted. It is shown that digitalization is changing the nature of party mediation, intensifying the marketinization of political communication, reducing the importance of membership, and at the same time contributing to the development of new forms of intraparty democracy. It is revealed that competition with network movements, media platforms, and hybrid nonpartisan actors puts pressure on classical party structures, stimulating their organizational restructuring. The paper substantiates

that digitalization does not lead to the erosion of the party institution, but transforms its functional role, the mechanisms of organizational functioning and the configuration of the distribution of political resources. The presented model allows conceptualizing new forms of partisanship and defining the place of digital parties in the modern political system.

Keywords:

digitalization of politics, political parties, digital parties, cyber parties, evolution of parties, digitalization of parties

Введение

Политические партии традиционно рассматриваются как один из центральных институтов представительной демократии, обеспечивающий артикуляцию интересов, политическую социализацию и посредничество между гражданами и властью. Однако в течение последних десятилетий исследователи отмечают нарастающее несоответствие между классическими теоретическими моделями партийного устройства и меняющимися условиями функционирования политической среды, обусловленными, в том числе, развитием цифровых технологий и «глобальных технологических корпораций, рост их цифровых экосистем, претензии цифровых платформ на роль нового социального клея» (Володенков, 2024, с. 30), изменением медиалогии и переходом к сетевым формам коммуникации. Это расхождение проявляется в пересмотре оснований партийного представительства, изменении механизмов политической мобилизации и трансформации роли партий в структуре публичной сферы в условиях цифровизации.

Современные подходы в политической теории всё чаще поднимают вопрос о возможности эволюции партийного института как ответа на структурные сдвиги в социально-политической среде. Цифровизация выводит партийную деятельность за пределы классических форм массовой мобилизации и бюрократической координации, создавая условия для появления новых типов партийности. Обсуждая цифровую трансформацию партий, важно учитывать, что она развивается в контексте более широкого процесса медиатизации политики, когда цифровая среда перестаёт быть лишь техническим каналом и превращается в пространство, определяющее характер политического взаимодействия: «в итоге мир политики оказывается всё более медиатизированным, а медиадискурс превращается в самостоятельный властный ресурс» (Русакова, 2010, с. 33). Это означает, что борьба за власть смещается в сферу производства и циркуляции смыслов, где преимущества получает тот политический актор, который способен адаптироваться к логике сетевой коммуникации и управлять вниманием аудитории.

В этих условиях возникает необходимость теоретического осмысления цифровой трансформации партийного института: выявления её направлений, факторов, структурных последствий и концептуальных рамок, позволяющих описать новые формы партийности. Настоящая статья предлагает аналитическое рассмотрение эволюции политических партий в цифровую эпоху, опираясь

на современные зарубежные и российские исследования, а также на тенденции, наблюдаемые в партийной системе России.

В рамках данного исследования мы должны различать ключевые понятия, описывающие цифровую трансформацию партийной политики. Цифровизацию мы определяем как процесс постоянного повсеместного системного внедрения и интеграции цифровых технологий на всех этапах процессных цепочек в различных сферах общественной, экономической, политической и культурной жизни, сопровождающийся трансформацией социальных практик, институтов и форм взаимодействия на основе алгоритмизации, автоматизации и обработки данных в цифровой среде, ведущий к интернетизации социального пространства. Цифровизация политических партий – интеграция цифровых технологий в коммуникационные, организационные и мобилизационные аспекты деятельности партий, изменяющая способы представительства и взаимодействия с избирателями. Цифровые технологии в этом контексте определяются как инструменты создания, хранения, анализа и распространения политической информации, основанные на алгоритмах и интернет-инфраструктуре (социальные сети, цифровые платформы, алгоритмические инструменты персонализации, системы онлайн-голосования и другие средства обработки и распространения политической информации). Сетевые же технологии – это вид цифровых инструментов, обеспечивающих горизонтальные, многовекторные и децентрализованные формы коммуникации, самоорганизации и координации политических акторов (мессенджеры, онлайн-сообщества, платформы коллективного взаимодействия, интерактивные сервисы и любые инструменты, формирующие сетевую структуру взаимодействий).

Результаты исследования

Дискуссия о «конце эпохи партий» опирается на представление о том, что классическая модель массовой партии, возникшая в XX веке, исчерпала свою институциональную устойчивость. Ослабление структурных размежеваний, на которые указывали С. Липсет и С. Роккан, снижение роли идеологии и изменение характера электоральной мобилизации привели к созданию новых моделей партийности. В рамках эволюционного подхода К. Лоусон описывает закономерные циклы либерализации, демократизации и последующей дедемократизации партий, что позволяет рассматривать кризис партий как часть более широкой трансформации институтов представительства.

Наиболее влиятельные типологии партий второй половины XX века отражали эту динамику. Концепция «catch-all-party» О. Кирххаймера фиксировала переход от идеологически структурированных к электорально-ориентированным организациям, стремящимся объединять гетерогенные группы вокруг прагматичных лидеров и маркетинговых стратегий. Модель «картельной партии» Р. Катца и П. Мэйра подчёркивала сращивание партийных элит с государственным аппаратом и зависимость партий от бюджетных ресурсов. В работах А. Панебьянко об электорально-профессиональных партиях и Р. Коле о современных кадровых партиях показано формирование гибридных организационных форм, сочетаю-

щих элементы массовых партий с профессионализированным электоральным аппаратом.

Эмпирические данные усиливают аргументы о кризисе партийного института. Снижение партийного членства в большинстве европейских стран, зафиксированное П. Мейером и И. Байзенем (2001), падение доверия к партиям в исследованиях WVS Р. Инглхарта и российских центров социологических опросов (Виноградова, 2024), ценностная флуктуация современных политических партий в глазах избирателей по данным сравнительного исследования избирательных систем (CSE) и проекта сравнения партийных манифестов (CMP) (Busch, 2016), а также общая эрозия традиционных форм посредничества указывают на углубляющийся кризис представительства.

Дискуссии о «закате» политических партий присутствуют как в российской, так и в зарубежной политической науке и связаны с ослаблением их посреднической роли. Институциональная логика партий предполагает выражение интересов социальных групп и трансляцию их государству, однако в современных условиях партии всё чаще выступают как агенты государства в обществе, зависящие от бюджетных ресурсов и поддерживающие интересы узких элитных групп. Такая трансформация подрывает их представительную функцию и сопровождается снижением доверия граждан, что находит свое отражение как в международных, так и в российских исследованиях.

Очевидным становится сам факт существования тенденций партийной трансформации во всём мире, зачастую говорят и о деинституционализации современных политических партий. Наблюдается рост привлекательности непартийных форм политического участия: социальных движений, медийных платформ, общественных организаций, псевдопартийных структур и движений «одной проблемы» (single-issue movements). Политические партии, находясь в интернет-среде, существуют в условиях конкурентной борьбы за кратковременное внимание пользователя и формирование повестки дня и мировоззренческих смыслов (Володенков, Печенкин, Федорченко, 2023, с. 12). Эти структурыобладают более простой организацией, высокой медийностью, гибкостью и способностью быстро мобилизовать сторонников. Их политический потенциал оказался выше, чем у партий, что подтверждают примеры массовых протестов последних лет, инициированных внепартийными движениями. В условиях конкуренции за внимание и повестку партии проигрывают новым акторам, обладающим высоким уровнем цифровой коммуникации и персонализированного лидерства. Примерами таких акторов в России являются «Лига безопасного интернета» Е. Мизулиной, «Лиза Алерт» и другие, за границей – движения «Black Lives Matter» (с англ. – «Жизни чёрных имеют значение»), «Occupy Wall Street» (с англ. – «Захвати Уолл-стрит»), «Brexit» и т. д. Безусловно, причинами этого могут быть не только слабость партий в интернет-пространстве, но и характер предлагаемой повестки, однако их сравнение ещё раз подчеркивает необходимость приспособления и адаптации политических партий к новой информационной реальности.

Однако тезис о деинституционализации партий требует уточнения. Несмотря на существующий кризис доверия граждан к политическим партиям, повсеместное падение явки на выборах и рост альтернативных форм участия,

партии сохраняют монопольные полномочия в сфере выдвижения кандидатов, рекрутирования элит и участия в законотворчестве. Эти функции обеспечивают их незаменимость в политической системе, что подчеркивал С. Липсет (2000), указывая на роль партий в стабилизации конфликтов, обеспечении преемственности и институциональной легитимности.

Тем не менее устойчивые трансформационные тренды очевидны: функциональный арсенал партий меняется под влиянием внешних факторов, главным из которых становится коммуникативная перестройка общества. В этих условиях вопрос о современном состоянии партийного института требует анализа в контексте более широкой трансформации публичной сферы и механизмов политического посредничества.

Интернет формирует новое коммуникативное пространство, в котором иерархические каналы взаимодействия государства и общества дополняются горизонтальными, усиливая элементы партиципаторной и прямой демократии. В условиях кризиса представительства партии вынуждены адаптироваться к сетевой логике политической коммуникации, отражающей тенденции развития неиерархических моделей участия и рост значения цифровых форм гражданской активности. Цифровизация партий отражает более широкий социальный сдвиг: интернетизация, появление новых практик участия и усиление гражданской солидарности создают среду, в которой классические механизмы посредничества утрачивают прежнюю эффективность.

Современные политические партии вынуждены не только использовать интернет как коммуникативную технологию, но и постоянно, системно и активно присутствовать в интернет-среде несмотря на то, что интернет не является средством автоматического вовлечения граждан в политическую активность и не способен превратить абсентеично настроенных граждан в «киберграждан». Становясь актором сетевой политики, партии вступают в борьбу партийных элит за власть в социуме с помощью информационно-коммуникационных сетей (Акопов, 2014, с. 98). Становлению новой партийной модели способствует вовлечение партий в социальные сети для увеличения своего электорального результата, а также необходимость адаптации политического контента в соответствии с принципами интернет-коммуникации для эффективной работы с целевыми группами.

Адаптация партий к цифровой среде усиливает процесс маркетингизации политической коммуникации, детерминирующий трансформацию арсенала средств коммуникации с избирателями («потребителями»). Партии перенимают логику коммерческих структур: сегментируют аудитории, используют PR-технологии, микротаргетинг, сбор данных и персонализированную коммуникацию. Интернет обеспечивает расширенный инструментарий воздействия на избирателей и позволяет реализовывать стратегии многократных контактов. Эти изменения согласуются с информационно-коммуникативной концепцией К. Дойча: цифровые технологии усиливают как непосредственные, так и массовые коммуникации, наиболее полно раскрывая свой потенциал в сфере политических масс-коммуникаций, где формируются конкурирующие виртуальные пространства смыслов и ценностей.

Всё чаще современные партии называют «профессионализированными медиакommunikационными партиями», для которых типичны профессиональный менеджмент коммуникаций, ориентация на повестку, формируемую медиалогикой, фокусировка на отдельных политических вопросах вместо согласованных программ, стратегическая централизация принятия решений и снижение значимости активного членства. Анализируя трансформацию партий в условиях цифровизации, выделяют три модели их участия в сетевой коммуникации (Парфенова, 2015).

Первая – традиционная, предполагающая интеграцию цифровых технологий в существующие формы партийной деятельности, не вносящая значимых изменений ни в структуру партий, ни в их деятельность. В рамках этого типа информационные технологии являются лишь интернет-версиями традиционных форм агитации и информирования избирателей (интернет-сайты партий, страницы в социальных сетях, локации на электронных картах).

Вторая модель связана с организационной перестройкой, когда партии адаптируют свои структуры к сетевой логике. Этот тип цифровизации уже подразумевает структурные трансформации, в рамках которых избиратели являются не только реципиентом информации, но и могут выполнять активную роль. Примером таких инструментов могут являться партийные интернет-платформы, на которых работают форумы для коммуникации избирателей с партийными лидерами, лента новостей, создаваемая сторонниками, или может действовать собственная цифровая валюта, получаемая за активные действия, совершаемые избирателями на платформе. Ключевое отличие второго типа цифровизации – приобретение избирателями субъектности в коммуникации с политической партией.

Третья модель представляет собой появление сетевых или цифровых партий, чья деятельность осуществляется преимущественно в онлайн-среде и опирается на цифровые платформы как ключевой организационный ресурс.

Рассмотрим подробнее тип – «цифровые партии». Предшественником концепции «цифровых партий» была концепция «киберпартий» (их же периодически называют «сетевые партии», «онлайн-партии», «партии одного автобуса» (coach party), «партии вспышки» (flash party)). Впервые термин «киберпартий» был использован в научном обороте исследовательницей Х. Маргиттс в 2001 году в её работе «Киберпартия». Киберпартии представляют собой гибридные традиционные партии, адаптирующие цифровые технологии для мобилизации, но сохраняющие офлайн-ядро. Х. Маргиттс исследует как интернет меняет классическую кадровую партию: внедрение ИКТ-решений, применение веб-сайтов, рассылки по электронной почте, инициация онлайн-опросов, расширение традиционного членства (снижение барьеров для вступления в партию). Новый тип политических партий является логическим продолжением предыдущих этапов партийной эволюции: от массовых к всеохватным и картельным, а от них – к киберпартиям, представляющим собой гибридный тип партии переходящей коммуникации «партия – избиратель», где отношения основаны на интернет-технологиях, а не на формальном членстве.

Логическим продолжением киберпартий становятся «цифровые партии», исследуемые с 2018 года П. Гербаудо (2019) и К. Доммет (2021). Этот тип партий

характерен для эпохи социальных сетей, больших данных и платформ. Новый организационный тип – «партия-платформа», управляющая большими данными и широкой it-архитектурой. У цифровых партий, как правило, нет развитой региональной сети отделений, широкого формализованного членства и сторонников (членство становится «ликвидным», ценность представляют данные пользователя (члена), а не его взносы), опора на принципы делиберативной (совещательной) демократии, нет «полевой» деятельности. Хотя цифровые партии преимущественно действуют в интернете, далеко не всегда реализуют исключительно интернет-активизм, так как их деятельность может находить продолжение и в оффлайн-реальности (дебаты кандидатов, агитационные билборды и ТВ-ролики).

Партии, адаптируясь к цифровой реальности, подвергаются организационной трансформации, так как «цифровые медиа способствуют развитию постматериальной политической культуры посредством организационных экспериментов и изменения менталитета партии в сторону социальных движений, что позволяет пересматривать принятые нормы иерархической дисциплины и лояльности» (Парма, 2023, с. 123). Так, например, цифровая эра формирует новый вариант членской партийной модели, где участие в деятельности партии становится ситуативным, событийным и платформенным, не требующим формального вступления (например, регистрация на сайте в качестве сторонника).

Идеологически цифровые партии трудно вписать в традиционный левый спектр, поскольку их центральным политическим мотивом выступает антиэлитарность. Эклектичный набор тезисов служит выражением общего протестного настроения и ориентации на формы непосредственной, включая цифровую, демократии, направленные на сокращение дистанции между гражданами и партийным руководством, а в перспективе между гражданами и руководством государства. Для цифровых партий характерен популистский стиль: они лишены устойчивых ценностных оснований, реагируют на кризисные ситуации и адаптируются к политическому окружению (Сморгунов, 2014, с. 33). Особый тип внутри этой группы представляют пиратские партии, артикулирующие инфоанархистскую повестку и выдвигающие требования о признании свободного доступа к информации как базового человеческого права.

Прототипы ранних киберпартий появились в европейских странах, и из наиболее крупных и успешных их представителей хронологически можно отметить следующих: в 2003 появилось движение «За лучшую Венгрию»/«Йоббик (Jobbik)» в Венгрии (16,6 % в 2010 году на выборах в Государственное собрание), в 2006 «Партия свободы (Partij voor de Vrijheid)» в Нидерландах (победа с 23,49 % на выборах в Палату представителей Нидерландов в 2023 году). Цифровые партии в современном их понимании появились в 2009 году как «Движение Пять звезд» (Movimento 5 Stelle) в Италии (победа с 32,7 % на выборах в Палату депутатов Италии в 2018 году), в 2014 «Подemos (Podemos)» в Испании (12,7 % на выборах Конгресса депутатов Испании в 2015 году). Наиболее репрезентативными технологическими решениями, демонстрирующими приверженность принципам прямой и электронной демократии, цифровизации партий, можно выделить интернет-платформы «Руссо (La piattaforma Rousseau)» и «SkyVote Cloud» у итальянской партии «5 звёзд» и «Loomio» у испанской «Подemos»,

использующиеся для разных целей, в том числе для внутрипартийных праймериз за списки кандидатов, для внесения предложений по вносимым законопроектам и для коммуникации напрямую с партийными руководителями. Нестандартным технологическим решением стала созданная в 2015 году в Австралии блокчейн-партия «Флюкс (Flux)». Её членами становились зарегистрированные пользователи приложения Flux Voting, где по принципу прямой демократии на основе запроса голосовали за те или иные законопроекты, определяя позицию партии. При этом партия не прошла избирательные барьеры ни на одних выборах.

Пиратские партии сегодня реализуются как политическое движение в более чем 60 странах мира, первой пиратской партией стала «Piratpartiet», основанная в 2006 году в Швеции. Наиболее значимыми политическими успехами пиратских партий в мире являются избрание Исландской пиратской партии в Альтинг в 2016 году (14,5%), Чешской пиратской партии в Палату депутатов Чешской Республики в 2017 году (10,8%) и в 2018 году избрание своего лидера на пост мэра Праги, Пиратской партии Берлина в парламент Берлина в 2011 году (8,9%) и Пиратской партии Швеции в Европарламент в 2009 году (7,1%). Большинство пиратских партий являются членами неправительственной организации «Интернационал пиратских партий» (Pirate Parties International). Политический успех европейских пиратских партий зачастую объясняется несколькими факторами: попадание в антиистеблишментное настроение избирателей, расширение предвыборных платформ до вопросов экологии, сельского хозяйства, устройства национальной экономики и обещаний введения безусловного базового дохода. Несмотря на то, что крупные пиратские партии, в строгом смысле, могут не являться цифровыми партиями, однако остаются таковыми, главным образом потому, что основным электоратом партий являются интернет-пользователи, а способы их агитации и мобилизации – интернет-технологии.

В России также был опыт создания цифровых партий, в частности, это «Интернет-партии Российской Федерации», действовавшая с 2012 по 2013 годы; «Партия Социальных Сетей», созданная в 2012 году, ликвидированная в 2019 году под названием «Гражданская Позиция» и «Партия прямой демократии», зарегистрированная в 2020 году и действующая до сих пор, а также незарегистрированная политическая партия «Пиратская партия России», основанная в 2009 году. Однако все эти партии не смогли добиться политического успеха в получении депутатских мандатов в сравнении с их европейскими коллегами. Причин этому может быть множество – от недостатка финансирования и организационных возможностей до административных барьеров и отсутствия электорального интереса к этим партийным платформам в России.

Отдельным типом цифровых партий становятся ИИ-партии (партии искусственного интеллекта), управляемые искусственным интеллектом или использующие его технологии для реализации ключевых функций политических партий. В общественной реальности ИИ-партии сегодня, по большей части, являются больше арт-проектами или творческими манифестами, нежели полноценными политическими организациями. Среди ИИ-партий можем выделить Международную партию машинного интеллекта (Kansainvälinen Koneälypuolue), созданную в 2017 году как арт-проект культурных центров Северных стран. В рамках проекта первая партия была создана в Финляндии как Финская пар-

тия ИИ (Suomalainen Koneälypuolue/Finnish Machine Intelligence Party). Затем филиалы были открыты в Швеции и Норвегии в 2019–2021 годах. А так же: датская Синтетическая партия (Det Syntetiske Parti)), основанная философом А.Б. Стаунсом в 2022 году, предлагающая избирателям общение с Leader Lars (чат-бот в Discord) и предвыборный манифест, основанный на ИИ-анализе предвыборных программ более 200 микропартий с 1970 года; японская AI Party (AI 党), основанную С. Като в 2019 году как региональная партия, выдвигающая реальных кандидатов на должности городских глав под именем «ИИ-мэр».

Эффективность в достижении политических результатов цифровых партий в сравнении с партиями классического типа стала возможна, в том числе, благодаря пониманию и соблюдению правил новой коммуникационной парадигмы в интернет-пространстве, в рамках которой доступность интернета, низкий входной барьер, инфраструктура социальных сетей и их механизмы продвижения обеспечили возникновение эффекта DIY-медиа («do it yourself»), когда конкуренцию за политическое лидерство и внимание избирателей партиям могут составить индивидуальные или немногочисленные коллективные акторы. Такие сетевые формы мобилизации оказываются эффективными в противостоянии централизованным политическим структурам и устоявшимся институтам.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать ряд содержательных выводов о характере трансформации партийного института в условиях цифровизации.

Во-первых, цифровизация не приводит к утрате партийного института, но изменяет его функциональный профиль: роль партий как посредников между государством и обществом сокращается, тогда как возрастает значение коммуникационных, мобилизационных и репутационных функций, реализуемых в цифровой среде.

Во-вторых, показано, что цифровые и сетевые технологии трансформируют механизмы внутрипартийного управления и участия: ослабляется традиционное членство, усиливается роль распределённых форм вовлечения, появляются элементы делиберативной и платформенной демократии. Это свидетельствует о смещении партийной организации от иерархических структур к гибридным сетевым моделям.

В-третьих, выявлено, что цифровая среда усиливает конкуренцию между партиями и непартийными акторами: социальными движениями, медийными платформами и сетевыми сообществами. Новые акторы обладают более высокой гибкостью, скоростью мобилизации и способностью формировать цифровую повестку, что вынуждает партии адаптироваться к логике сетевого внимания и медиапространства. При этом успешность этой адаптации напрямую зависит от того, насколько партия способна овладеть не только инструментами цифровой работы, но и сможет сформировать устойчивую цифровую стратегию. В противном случае она рискует перестать быть актуальной (и даже – легитимной) в глазах «цифровых граждан» – нового субъекта политической жизни.

В-четвертых, анализ позволяет заключить, что эволюция партийного института в цифровую эпоху определяется не только внедрением технологий,

но и изменением самой структуры политической коммуникации. Цифровизация переопределяет способы производства политического содержания, распределения ресурсов и организации власти, что в перспективе формирует новые основания партийности и новые модели политического участия. Кроме того, в условиях цифровизации идеологическая эрозия партий приводит к алгоритмизации партийной повестки, когда темы и нарративы отбираются не идеологически, а на основе логики алгоритмической видимости и параметров вовлечённости.

Таким образом, становление цифровых партий отражает более широкий сдвиг в политической системе, где цифровые технологии меняют границы представительства, конфигурацию публичной сферы и логику политического участия. Цифровизация партий – это не временный тренд, а структурный процесс, определяющий дальнейшее развитие партийного дизайна в России и за её пределами.

Список литературы

1. Акопов, Г. Л. (2014). *Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций*. М.: КноРус.
2. Виноградова, И. М. (2024). Институциональное политическое доверие как фактор консолидации российского общества. *Дискурс-Пи*, (3), 145–173. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_145
3. Володенков, С. В., Печенкин, Н. М., Федорченко, С. Н. (2023). Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов. *Дискурс-Пи*, (1), 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8
4. Володенков, С. В. (2024). Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса. *Дискурс-Пи*, (4), 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26
5. Парма, Р. В. (2023). Тренды развития политических партий в цифровой среде коммуникаций. *Власть*, (4), 121–125. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>
6. Парфенова, Ю. В. (2015). Сетевые партии как новые акторы публичной политики в условиях кризиса парламентаризма. *Политекс*, (2), 124–130.
7. Русакова, О. Ф. (2010.) Виртуальная власть масс-медиа. *Дискурс-Пи: научно-практический альманах*, (1–2), 33–37.
8. Сморгунов, Л. В. (2014). Сетевые политические партии. *Полис. Политические исследования*, (4), 21–37.
9. Busch, K. V. (2016). Estimating Parties' Left-Right Positions: Determinants of Voters' Perceptions' Proximity to Party Ideology. *Electoral Studies*, 41, 159–178.
10. Dommett, K., Kefford, G., & Power, S. (2021). The digital ecosystem: the new politics of party organization in parliamentary democracies. *Party Politics*, (5), 847–857.
11. Gerbaudo, P. (2019). *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*. Pluto Press.
12. Lipset, S. (2000) The indispensability of political parties. *Journal of democracy*, 11(1), 49–55.

13. Mair, P., & Biezen, I. (2001). Party Membership in Twenty European Democracies, 1980–2000. *Party Politics*, (1), 5–21.
14. Margetts, H. (2001). *The Cyber Party*. University College London.

References

1. Akopov, G.L. (2014). *Internet i politika. Modernizaciya politicheskoy sistemy na osnovanii innovacionnykh politicheskix internet-kommunikacij* [Internet and politics. Modernization of the political system based on innovative political Internet communications]. M.: KnoRus.
2. Busch, K.B. (2016). Estimating Parties' Left-Right Positions: Determinants of Voters' Perceptions' Proximity to Party Ideology. *Electoral Studies*, 41, 159–178.
3. Dommert, K., Kefford, G., & Power, S. (2021). The digital ecosystem: the new politics of party organization in parliamentary democracies. *Party Politics*, (5), 847–857.
4. Gerbaudo, P. (2019). *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*. Pluto Press.
5. Lipset, S. (2000) The indispensability of political parties. *Journal of democracy*, 11(1), 49–55.
6. Mair, P., & Biezen, I. (2001). Party Membership in Twenty European Democracies, 1980–2000. *Party Politics*, (1), 5–21.
7. Margetts, H. (2001). *The Cyber Party*. University College London.
8. Parfenova, Yu. V. (2015). *Setevye partii kak novye aktory publichnoy politiki v usloviyax krizisa parlamentarizma* [Network parties as new actors of public policy in the context of the parliamentary crisis]. *Politeks*, (2), 124–130.
9. Parma, R. V. (2023). *Trendy razvitiya politicheskix partij v cifrovoj srede kommunikacij* [Development trends of political parties in the digital communication environment]. *Vlast'*, (4), 121–125. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9700>
10. Rusakova, O.F. (2010). *Virtual'naya vlast' mass-media* [Discourse of virtual world]. *Discourse-P: nauchno-prakticheskij al'manax*, (1–2), 33–37.
11. Smorgunov, L.V. (2014). *Setevye politicheskie partii* [Network political parties]. *Polis*, (4), 21–37.
12. Vinogradova, I.M. (2024). *Institucional'noe politicheskoe doverie kak faktor konsolidacii rossijskogo obshchestva* [Institutional political trust as a factor of consolidation of Russian society]. *Discourse-P*, (3), 145–173. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_145
13. Volodenkov, S. V. (2024). *Suverenizaciya cifrovyykh obshhestvenno-politicheskix kommunikacij: analiz akademicheskogo diskursa* [Sovereignization of digital communications in the socio-political sphere: an analysis of academic discourse]. *Discourse-P*, (4), 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26
14. Volodenkov, S. V., Pechenkin, N.M., & Fedorchenko, S.N. (2023). *Osobennosti formirovaniya mirovozzreniya v usloviyax sovremennoj cifrovoj sredy: analiz akademicheskix diskursov* [Peculiarities of Worldview Formation in the Contemporary Digital Environment: The Analysis of Academic Discourses]. *Discourse-P*, (1), 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Информация об авторе

Ирина Маратовна Виноградова, младший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3305-9282>, e-mail: iren121121@ya.ru

Information about the author

Irina Maratovna Vinogradova, Junior researcher of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3305-9282>, e-mail: iren121121@ya.ru
